
ДВА «ПОЭТИЧЕСКИХ МИКРОКОСМА» РАННЕГО В. ХЛЕБНИКОВА: ПАРАДОКСЫ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛИ «ПРОСТРАНСТВО—ВРЕМЯ»

М.В. Ганин

Кафедра русской и зарубежной литературы
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на материале рассмотрения двух знаменитых стихотворений актуализируется проблематика структурирования пространства-времени, амбивалентности и парадоксальности конституирования реальности в поэтических текстах В. Хлебникова. Рассматриваются значимые для творчества поэта мифологемы в темпоральном и локативном аспектах. На основе всестороннего анализа представленных в статье текстов автор приходит к мысли о глубинном взаимодействии и трансформациях уровней микрокосма, космоса и макрокосма в «поэтической вселенной» В. Хлебникова.

Ключевые слова: Велимир Хлебников, метаморфоза, микрокосм, мифологема, мифопоэтика, модель, пространственно-временной, трансформация, «времяши-камышы».

Отметим два поэтических опуса раннего периода творчества В.В. Хлебникова, где пространственно-временные константы, выраженные в тексте, претерпевают существенные изменения — это стихотворение 1908 года «Времяши-камышы» и «В пору, когда в вырей...», также датированное 1908 годом. Остановимся на первом:

Времяши-камышы
На озера береге,
Где каменя временем,
Где время камнем.
На берега озере
Времяши, камыши,
На озера береге
Священно шумящие [14. Т. 1. С. 75].

Итак, в чем же специфика проявления «законов гармонии» и воплощение «всеобщего единства» в хлебниковском понимании, и как же устроен этот «живой организм, малый мир слова, существующий в каких-то отношениях с миром природы» [5. С. 16]? Как увидим далее, «законы гармонии» и «воплощение «всеобщего единства», не тривиальным образом могут определяться парадоксальным устройством «этажей» «живого организма».

Здесь мы сталкиваемся с очевидной изотонической структурой стихотворения: по два ударения в каждом стихе, кроме стихов III и IV (здесь трехударная структура), лексическая анафора «где» несет значение некой территориальной локализованности «времяшей-камышей» при всей топографической неопределенности и «безграничности» или трансграничности в семантически фундированной,

ское окончание определено использованием стянутой формы «каменьем»), но там, где мы встречаем «времышей...» (первый и шестой стихи), ударение падает на последний слог.

Если допустить комбинаторику посессивных отношений (берега озера ↔ озера берега), то автор провоцирует семантическую сбивку и, как следствие, появление пучков разбегающихся смыслов: с одной стороны, мы воспринимаем как бы одно образование (*берег^озера—озера^берег*), ощущая лишь коннотацию усложненности этого обстоятельства места, с другой — меняются локативные отношения, которые квази-логически мотивируются и синтаксической инверсией субъекта и трансформацией «времышей-камышей» в отдельные сущности, связанные перечислительными отношениями: «времышы, камышы» (3) в номинативном типе простого предложения, осложненного обособленным определением. Следует заметить, что подсознательно фиксируется и «мнимое» смешение притяжательных отношений и внутри словосочетания, отдельно взятого берега↔озера и отдельно взятого озера↔берега, это смешение усиливается и невольной (назовем ее рефлексивной) аллюзией на грамматически неверный в данной синтаксической конструкции аккузатив существительного во множественном числе (на берега́, на озёра), указывающий направление действие в отсутствие управляющего слова. Отметим также, что одним из механизмов гармонизации в выразительных системах текста у Хлебникова является использование очевидных изосинтаксических моделей, которые не в последнюю очередь подчеркивают парадигмальные отношения в тексте.

Что касается самого неологизма (4) «времыш», то А.Е. Парнис, комментируя это стихотворение, однозначно определяет: «Времыш неологизм от „время“ и „камыш“» [13. С. 596]. Однако, как мы увидим далее, семантика «времышы» осложнена и другими тематическими коннотациями.

Логико-синтаксически можно определить двойственное нахождение «времышей-камышей»: «на берега озера», но при этом «священно шумящие» — «на озера берега». Всего известны три редакции этой стихотворной миниатюры. Обратим внимание на пространственную диспозицию в двух ранних редакциях (5), обе датированы 1907 годом:

Времышы на *береге озера* ласкающего,

...

Где на *береге* одиноко стоит

...

Времышы на *береге озера* священного...

(Здесь и далее в цитировании ранних редакций курсив наш. — М.Г.) [14. Т. 1. С. 397];

Времышы-камышы на *озера береге*,

на береге озера дивно зыбящие,

Камышы-времышы на *голубом озере*,

...

Времышы-камышы на *озера береге* священно шумящие,

Времышы-камышы на *озера береге* [14. Т. 1. С. 397].

И все же, на наш взгляд, «пространство», определяющее заложенную в текст сакральную топографию, заключено в формуле:

Где каменья врёменем,
Где время каменьем...

Похожая конструкция, где управляющий и управляемый компоненты чередуются (тут датив сравнения и одновременно отождествления). Однако здесь четвертая строка стихотворения завершает и исчерпывающе дополняет точную характеристику места, которая появилась в третьем стихе, образуя цельное образование, равное себе единство. При этом локации эти не равнозначны. Неравноценность, как нам видится, оттеняется и разной длиной стихов, последовательностью семислоговых и шестислоговых строк («нечет и чет»). Здесь ритмическую постоянную задают ударные гласные переднего ряда. В первой редакции стихотворения читаем: «Где *время* каменьем, где каменем *время*...». В следующей версии встречаем другую «модификацию»: «Где каменьем *время*, где *временем* камень».

Таким образом, и «*берег озера—озера берег*» и «*камень-время и время-камень*» (в «ситуации присутствия» «священно шумящих» «времяшей»/«камышей») образуют некую парадоксальную синкретичность. Не случайно В.П. Григорьев писал: «Ровесник Бора (на месяц моложе), он в 1908 г., за два года до своего же метабиоза, в стих. „Времяши-камышши...“ строчками: На берегу озера и На озере берега — как бы предсказал „принцип дополнительности“» [2. С. 1027]. Мы же скажем, что «принцип дополнительности» Нильс Бор сформулировал в 1927 году, и согласно ему для описания явлений в микромире и квантовомеханических процессов необходимо применять два взаимоисключающих («дополнительных») набора классических понятий, совокупность которых дает исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных.

Вре[мыший]-ка[мыший] — здесь ударение фиксировано на последних слогах, «глубокая» внутренняя рифма (здесь сложный неологизм делится на своеобразные полустушия) — переключка и диалог *времени* и *камышей*, *камышей* и *мышей* (возможно, имеет смысл сопоставить с явлением, которое в теории средневековой музыки получило название «диафония», т.е. двухголосный склад, хотя если рассмотреть взаимодействие элементов в динамике раскрытия возможных формальных и семантических нюансов, то следует говорить о полифонии, подобно музыкальным изысканиям барочных музыкантов, в частности фугам Баха). Весь этот сложный комплекс, который закольцовывает стиховой фрагмент, открывает новый ритмо-семантический отрезок, создавая, таким образом, возможность для появления нового «цикла». Завершая один виток, «времяши...» открывают новый. Подобно спиралевидному течению времени.

Но, как уже отмечалось, в этом ритме, фразировке и логике движения угадывается и «исцеляющая» медитативная сила народного заговора и изменяющая сознание «шаманская» суггестивная энергия осознания бесконечного круговорота жизни.

Другое упомянутое выше стихотворение, где встречается трансформированный образ (6) времени и/или образ трансформированного времени «В пору, когда в вырей...»:

В пору, когда в вырей
Времирей умчались стаи,
Я времушком-камушком игрывало,
И времушек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло,
И времыня крылья простерла [12. С. 50].

Вновь мы сталкиваемся с теми неологизмами, которые М.В. Панов в контексте всего словотворчества Велимира Хлебникова назвал «фузионными» (как, впрочем, и вообще всю поэтику «словоиспытателя»). Здесь новообразования фундируются основой [врем'] и [камен'], и «времяши» становятся «времушком», а «камышши» — «камушком». Исследователь пишет: «Хлебников работает обычно со словообразовательными суффиксами, редко с префиксами. Понятно: приставки агглютинативны, поэтому они и не нужны для фузионных неологизмов Хлебникова» [9. С. 325]. Однако в широком мифопоэтическом (7) контексте углубленность и напряженность этих стихов проявляется и на уровне очевидных словообразовательных аллюзий, которые, разрушая грамматические нормы и заданную морфемную структуру, определяют иной, потенциально возможный способ дешифровки:

Ка + мыши (8),
Ка + мушко.

Как известно, Ка (9) — в мифологии древних египтян один из элементов человеческой внетелесной или надтелесной природы, жизненная сила, второе Я. Р.В. Дуганов, комментируя понимание различных «ипостасей человеческой сущности» у египтян, так пишет о «Ка»: «„Ка“ олицетворяет жизненную силу человека, это его бессмертный двойник (изображался человеком с поднятыми и согнутыми в локтях руками)» [14. Т. 5. С. 409].

«Я времушком-камушком игрывало // И времушек-камушек кинуло...» Парадоксальное соединение грамматических и логических форм: безличное «игривало», а потом и «кинуло», и как бы «неодушевленное» личное местоимение «Я» в среднем роде, как напоминание о неодушевленном «безличном» «времени» (*время игрывало?*). Форма несовершенного вида глагола «игривало» подчеркивает вневременной (10) контекст этой ситуации. Аблятивное употребление словоформы («времушек-камушек» или «времушко-камушко?») используется в инструментальной функции для этого, с одной стороны «безличного» и абстрактного «Я», с другой — строго определенного, конкретного (персонифицированное «Я» производит действие и отсылает нас к незатейливой процедуре бросания камушка в воду), но вечного и неизменного «Я». Не является ли это проявлением осознанной направленности на устранение дихотомии субъектно-объектных отношений и растворения в «едином»? Но заметим, что тема «двойничества» и вектор этого «раздвоения» в творческом дискурсе Будетлянина во многом активированы проб-

лемой существования различных ипостасей этого «Я» во времени и времени в этом «Я». Приведем любопытное заключение профессора В.Я. Анфимова: «По его ощущению, у него (В. Хлебникова — *М.Г.*) в такие периоды даже менялась его внешность. Он полагал, что прошел „через ряд личностей“. Словом, он страдал, как говорит один психоаналитик (R. Wälde), при проекции своего мышления — полным перенесением своих мыслей во внешний мир» [1. С. 69].

И далее обследовавший Хлебникова психиатр отмечает важную деталь: «Отличаясь склонностью к неожиданным обобщениям и к символизму — он придавал особое значение букве ‘В’. Все слова, начинающиеся с этой буквы, по его мнению, обозначают предметы, один конец которых прикреплен, а другой свободен» [1. С. 69]. Это свидетельство подтверждает значимость уже упоминавшихся выше толкований при развитии концептов начальных букв (11). С нашей точки зрения, важна и «амбивалентность», двоякость «свободы» и «прикрепленности» «концов вещей», «обозначенных» словами с начальным «В», для нас же словоформ, создающих «небесный свод» анализируемых «микрокосмов».

Однако эти маленькие шедевры принадлежат перу еще молодого Хлебникова, когда он только начинает выстраивать свою жизнотворческую стратегию и все еще в известной степени находится под влиянием символистского круга «башни» Вяч. Иванова. В 1908 году он только заканчивает одну из первых декларативных статей «Курган Святогора» и уже тогда задается риторическим вопросом: «И когда родимые второму морю пройдут пред восхищенным взглядом светлые горы, восставшая свой ледяной закон и рокот, не следует ли предаться непорочной игре в числа бытия своего, чаруя ими себя, как родом новой власти над собой, и прозревая сквозь них великие изначальные числа бытия-прообраза?» [14. Т. 6. С. 26]. Основные положения и законы языковой философии Будетлянина, его «звездная азбука», «азбука ума», «заумный языка» etc. будут сформулированы много позже, поэтому мы не говорим, что логика и практика словесных новообразований и заложенных идей здесь строятся на его теоретических выкладках, и жестко изначально заданы. Тем не менее мы утверждаем, что основная концептуальная парадигма, дискурсивно фундированная мифопоэтическими конструктами и словотворческими экспериментами, и всеми последующими его теоретическими построениями, и все последующие его теоретические построения, определилась уже на столь раннем этапе формирования поэта, возможно, сильнее всего на уровне подсознательного коммуницирования. Таким образом, мифотворческая логика, которую мы пытаемся разглядеть в этих стихотворениях, как это ни парадоксально, определена будущими трактатами и статьями «путейца» языка и предвосхищает их.

Обратим и тут внимание на мифологическую географию: «В пору, когда в вырей // Времирей умчались стаи...». Устоялась следующая трактовка своеобразной географической «аномалии» (если туда умчались «времири») — «вырей»: в рамках фольклорной традиции принято считать, что это «обетованная земля», «рай на земле».

В автокомментарии Хлебникова к стихотворению: «Крымское. Записи сердца. Вольный размер» (12), указывается, что «Вырей южные страны» [12. С. 49]. В этом поэтическом творении, напечатанном в сборнике «Садок Судей II» под заголов-

ком «Вольный размер», «Вырей» употребляется в качестве конкретной географической номинации. В.П. Григорьев же в комментариях к «Творениям» соотносит с фольклорной номинацией «обетованной земли» [12. С. 660].

В интересующем нас тексте эта «географическая точка» бытует в нарицательном смысле.

В Толковом словаре живого великорусского языка читаем: «Вырей м. кур. жаворонок? || *твер. пск.* колдун, знахарь, ворожея; || *вырей, вырай, ирей, ирий, ирица южн. малорос.* **какой-то сказочный, загадочный край, земной рай, теплые страны; волшебное царство** (выделено нами. — М.Г.), перелетная птица летит в *вырей*; даже змеи, около воздвиженья, уходят в *вырей* <...> *Вырожить* кого, *симб.-корс. пенз.* вылечить, особенно знахарством. *Вырей, вырить* и *вырожить*, будто одного корня <...> По всему видно однако, что *вырей* значит сад, вертоград; вероятно это стар. *ир, в -ир*, с греч., весна, теплый край» [4. Т. 1. С. 522].

Ad vosем обратим внимание на звуковой состав, выделим следующий отрывок:

Я времушком-камушком игрывало,
И времушек-камушек кинуло,
И времушко-камушко кануло...

Отмечаем сочетание зубно-губного щелевого [в] и сонорного дрожащего передне-язычного [р], шипящего щелевого переднеязычного [ш] со смычным заднеязычным [к], наличие твердого смычно-проходного бокового переднеязычного [л]. Таким образом, констатируем обилие трудно артикулируемых звуковых комплексов:

вр/шк/шк/гр/ло
вр/шек/шек/ло
вр/шк/шк/ло.

Такая логика сопряжения звуков и образования звуковых комплексов вкупе с синтаксическим строением и «необычным» лексическим наполнением наталкивает нас обнаружить связь с традиционной формой скороговорки.

В стихотворении «Там, где жили свиристели» (и тут 1908 год, его начало) также встречается образ «времирей»:

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей... [12. С. 42].

Как нам видится, этот образ, безусловно, ассоциирован с мифлогемами «птичьего мира», а он, в свою очередь, своеобразный «ярус» для «запуска» механизмов трансформации констант реальности пространственно-временного континуума хлебниковского мироздания, что же касается неологизма «времирь», то, возможно, он является контаминацией слов «время» и «снегирь», одновременно и потенциальный в данном случае суффикс -ирь — это звукоподражание птичьего пения.

Орнитологический код можно увидеть и в образовании «времыня»: «И времыня крылья простерла...». Оно заставляет вспомнить слово «гусыня», при нали-

чии других словообразовательных аллюзий с существительными на -ня (богиня, княгиня, герцогиня, инокиня, монархиня, барыня, боярыня, сударыня, графиня, героиня, но *монахиня, рабыня, врагиня*). Новообразование, безусловно, близко словам, которые имеют модификационное значение лица женского пола. При этом, в данном случае словоформа с суф. -ын(я) (фонемат. [ин']) мотивируется существительными изначально немотивированным — «врем» ыня. Забегая вперед, скажем также, что «времушек-камушек» невольно нами мыслится и в контексте будущего весьма частотного мотива в творчестве Вехи «меча» и «меча», идеи преращения «меча в мяч».

На этом этапе нашего «аналитического погружения» сделаем следующие выводы.

1. Думается, что в склонном к амбивалентным конструкциям творческом сознании Хлебникова синтезированы и одновременно актуализированы — в состоянии и процессе метаморфозы — взаимозаменяющие друг друга идеальные и реальные планы.

2. В этих «маленьких вселенных» конституируется модель всего мира, именно как взаимоперетекание микрокосма, космоса и макрокосма и трансформация ее в соответствии с актуализацией «пограничного» уровня и состояния реальности.

Перед нами и топологическая противоречивость, которая не конституируется в рамках трехмерной картины реальности, и актуализация единого субъектно-объектного состояния, и трансграничность «мерностей», устойчивых систем координат, и все это реализовано, помимо содержательного пласта, на уровне структуры стиха, морфолого-синтаксического строения текста, элементы которого вовлекаются в особые многоуровневые отношения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Обстоятельную сводку объяснений Хлебниковым каждого звука см.: [10].
- (2) Однако в манифесте «Наша основа» (а это уже май 1919 года) «словотворец» конкретизирует: «*В* в индоевропейских языках означает „вращение“» [14. Т. 6. С. 175] и «Значение *В* в вращении одной точки около другой неподвижной» [14. Т. 6. С. 175].
- (3) Важны текстологические проблемы четкой передачи пунктуации и орфографии автора. Нужно заметить, что сам Хлебников, постоянно переписывая и правя свои рукописи, кардинально изменял синтаксис текста. Указанная здесь пунктуация «Времышей...» принята в большинстве изданий.
- (4) О «скорнении» и принципах словообразования в хлебниковской неологии см.: [3].
- (5) Тесты ранних редакций:

Времышы на бреге озера ласкающего,
Где веретьще — смерти,
Где времянье камнем, где камнем
время,
Где на бреге одиноко стоит
священному времирю
времяк,
Времышы на бреге озера священного,
Ласкающего тайной, дивно
зыбящие...
[14. Т. 1. С. 397].

Времышы-камышы на озера бреге,
на бреге озера дивно
зыбящие,
Камышы-времяшы на голубом озере,
Где камнем времянье, где временем камень.
Времышы-камышы на озера бреге священо
шумящие,
Времышы-камышы на озера бреге.
И в свете много зело веков
В просвет мелькнет коварно лик человека.
[14. Т. 1. С. 397].

- (6) Ср.: «Миф — это всегда трансформация» [7].
- (7) Надо сказать, что концепция «Единой книги» человечества появится несколько позже, а в этот период поэт увлечен славянской тематикой: «Произведения Хлебникова, особенно раннего периода, насыщены фольклорными мотивами, образами славянской мифологии. Его поиски оказываются ближе всего к новому искусству, к символизму. <...> Однако окончательно эта идея (славянская — М.Г.) перестала существовать в изначальном виде только к 1915 году, к началу Первой мировой войны». И именно в начале весны (февраль-март) 1915 года появляется «египетская» «фантастическая повесть» «Ка» [11. С. 44, 46]. Осмелимся предположить, что в творческом бессознательном поэта идея «победы над временем» потенцировалась еще в его ранний дофутуристический период.
- (8) Позже Хлебников сформулирует квазиграмматическую теорию «внутреннего склонения», см.: «Учитель и ученик» [14. Т. 6. С. 34].
- (9) См. повесть В. Хлебникова «Ка» [14. Т. 5. С. 122].
- (10) В хлебниковедении в большей степени устоялась точка зрения о господстве так называемого «всевременного бытия» в текстах Хлебникова, например, см.: [6; 8].
- (11) «Первая согласная простого слова управляет всем словом — приказывает остальным» [14. Т. 6. С. 174]. Тут же отметим, что на «Сабуровой даче» поэт бы летом-осенью 1919 года [11. С. 317], уже после написания основных теоретических трудов «Наша Основа» и «Художники мира!».
- (12) И здесь море обретает свои единицы измерения:
Море щедрою мерой
Веет полуденным золотом.
Ах! Об эту пору все мы верим,
Все мы молоды (выделено нами. — М.Г.) [12. С. 49].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Анфимов В.Я. К вопросу о психопатологии творчества: В. Хлебников в 1919 году // Труды 3-й Краснодарской клинической городской больницы. — Краснодар, 1935. — Вып. 1. — С. 66—73.
- [2] Григорьев В.П. К четырехмерному пространству языка (Блок и Хлебников: эвристика в парадигмальных экспрессемах) // Семиотика и авангард: Антология. — М.: Академический Проект; Культура, 2006. — С. 999—1030.
- [3] Григорьев В.П. Скорнение // Актуальные проблемы русского словообразования. Сб. науч. статей Самарканд. пед. ин-та. — Ташкент: Укитувчи, 1982. — С. 418—423.
- [4] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание: В 4 т. — М.: АСТ; Астрель, 2001—2003.
- [5] Дуганов Р.В. Краткое «искусство поэзии» Хлебникова // Велимир Хлебников и русская литература: Статьи разных лет. — М.: Прогресс-Плеяда, 2008. — С. 5—28.
- [6] Кедров К.А. Вселенная Велимира Хлебникова — http://ka2.ru/nauka/kedrov_3.html
- [7] Ланцова С.А. Морфология и исторические корни хлебниковской метаморфозы («Змей поезда») // Russian Literature. Vol. XXXVIII. — Amsterdam, 1995. — № 4. — Р. 409—434.
- [8] Кусков С.И. Проблематика универсального языка в контексте П. Филонова и В. Хлебникова // Культура средних веков и нового времени. — М., 1987. — С. 92—103.
- [9] Панов М.В. Сочетание несочетаемого // Мир Велимира Хлебникова. Статьи и исследования 1911—1998. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 303—332.
- [10] Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wiener slawistischer Almanach. — Вена—Москва, 1995. — Band 40.
- [11] Старкина С.В. Велимир Хлебников. — М.: Молодая гвардия, 2007.
- [12] Хлебников В.В. Творения. — М.: Советский писатель, 1986.

- [13] *Хлебников Велимир*. Поэзия. Проза. Драматургия. Публицистика. — М.: Слово/SLOVO, 2000.
- [14] *Хлебников Велимир*. Собрание сочинений: В 6 т. — М.: ИМЛИ РАН, 2000—2005.

**TWO «POETIC MICROCOSMS»
OF THE EARLY V. KHLEBNIKOV: PARADOXES
OF «SPACE-TIME» MODEL TRANSFORMATION**

M.V. Ganin

The Department of Russian and Foreign Literature

Philological Faculty

Russian Peoples' Friendship University

Miklukho-Maklaja str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the problematics of space and time structurization, ambivalence and paradoxicality of the reality institutionalization in V.V. Khlebnikov's poetic texts on the material of two well-known poems examination. Mythologems, significant for poet's creative works, are considered in temporal and locative aspects. On the basis of the comprehensive analysis of the texts presented in the article the author arrives at the idea of deep interaction between microcosm, cosmos and macrocosm and their transformations in the «poetic Universe» of Velimir Khlebnikov.

Key words: Velimir Khlebnikov, metamorphosis, microcosm, mythologem, mythopoetry, pattern, spatio-temporal, transformation, «Vremyshy-kamyshy».